

Татьяна ГРАУЗ

АЙГИ – МАНДЕЛЬШТАМ: В МОГУЧЕЙ И БЛАЖЕННОЙ НИЩЕТЕ
(разрозненные заметки)

*

Тишина осеннего вечера. В сумерках комнат проплывают мысли лёгкие облака, а между ними поблёскивают чашка и чайник, глухо звенит ложка в стакане – и *самоосвещаются вещи души*¹.

*

Во «Второй книге» Надежда Яковлевна Мандельштам писала, что Москва (а это были 1920-е годы) была периодом клятв, что обет *нищеты*, данный Осипом Эмильевичем в «Алексее»² был потом дополнен в «Аликсансе». Видимо, перевод со старофранцузского для Мандельштама оказался не столько переводом – здесь воплощалась, пульсируя сквозь другой язык, другую культуру, живая и пока ещё не проявленная до конца мысль поэта о себе самом. Речь здесь, конечно, не о бытовой нищете, а о той утешительной *могучей нищете*, благодаря которой только и возможен поэтический труд.

Еще не умер ты, еще ты не один,
Покуда с нищенкой-подругой
Ты наслаждаешься величием равнин
И мглой, и холодом, и вьюгой.

В роскошной бедности, в могучей нищете
Живи спокоен и утешен.
Благословенны дни и ночи те,
И сладкогласный труд безгрешен...

15-16 января 1937

К 1937-му году – ко времени завершения «Воронежских тетрадей» – нищета стала «путеводной звездой» Мандельштама, освещая смиренным светом его жизнь, внутренний строй его стихов и все те мучительные испытания, которые были посланы ему судьбой.

*

Вряд ли Геннадий Николаевич Айги когда-нибудь помышлял давать обеты нищеты – жизнь в далёкой чувашской деревне в 1930-е годы – годы его детства – была чрезвычайно бедной, почти нищенской, хотя отец его работал учителем в местной школе. Фотографии тех времён, бережно сохранённые Айги³, пронизаны тихим достоинством бедности, не покидавшей его, как верная подруга, всю жизнь. Правда, в последние годы были и поездки за границу, и как замечает Ольга Седакова:

«...У нас мало кто представляет меру признания, меру востребованности Айги в мире: она огромна. Айги был звездой первой величины в современной мировой поэзии, о

¹ Курсивом в тексте даны цитаты из стихов Г. Айги и О. Мандельштама

² О. Э. Мандельштам перевёл со старофранцузского «Жизнь святого Алексея» и «Аликсанс» в 1922 году.

³ Речь идёт о фотографиях из книги Г. Айги «Разговор на расстоянии» (2001).

нем говорили как о живом классике, новом Малларме или новом Целане. Дело даже не в разнообразных наградах: он был, вероятно, самым читаемым поэтом современности. Его книги – на французском, английском, немецком, итальянском – я видела в руках, на книжных столах, в дорожных сумках читателей в самых разных местах Европы»⁴.

Но дом Айги в «Рабочем Посёлке»⁵ – это крошечная типовая двушка в хрущёвке, первый этаж, зарешёченные окна, за ними – густо заросший палисадник. Зимой в оголённых ветках кустарника сновали синицы, и Айги, прикармливая птиц, рассказывал о них с какой-то невероятной теплотой и любовью. Комнаты от пола до потолка заставлены книжными полками, на стенах – картины любимых друзей-художников (Яковлева, Вулоха, Дронникова, Петрова и мн. других), большой письменный стол (рукописи – книги – рукописи). В углу, за перегородкой из книжных полок, диванчик, телевизор, проигрыватель и небольшой журнальный стол, за которым обычно устраивались «званные обеды» – Айги любил приглашать своих друзей. Мне посчастливилось не раз бывать на посиделках за этим журнальным столиком в скромном, но невероятно гостеприимном доме Айги, где царил атмосфера радости, труда и доброжелательной сосредоточенности. А летом – деревянная изба на краю деревни Денисова Горка⁶, за хлипким забором из нескольких перекладин – пустырь и лес. Дом почти без мебели, только самое необходимое: обеденный стол, стулья, диван; и просторная веранда-кабинет с письменным столом, за которым работал поэт.

*

...Продолжается наше деревенское житье. Хозяйственные заботы; грибы; возня в огороде (мы здесь кое-что посеяли). И еще – сохранение-охранение какого-то «нового» безмолвия с внутренней «молвью», – некое «бережение души». Я часто пишу, стараюсь быть не «активным», – иное невозможно – с превышающим нас.⁷

9 июля 1980

...Был очень трудный – «матерьяльно» – год.

3 июня 1982

...Я – в круге мелко-зарабатывательной суеты (настоящая мелкая поденщина; ничто более серьезное от меня не принимается).

13 апреля 1983

...более месяца я – в состоянии очень уж не-трудовом, но воспринимаю это спокойно. Верю, что будет хорошее лето, хотя наши планы сопряжены с большими трудностями (в деревню мы должны ехать очень далекую – четыре раза дальше, чем было в прошлом году... хотя и в этом – исполнение давнего желания: совсем углубиться «в Русь...»; но главная трудность – безденежье). <...> Небывало, невероятно хочется – работать много и непрерывно, как работали «старики». Верю, что это – будет (дай, Боже...).

29 мая 1983

⁴ О. А. Сedaкова. Айги: отъезд // Собрание сочинений Г. Н. Айги в 7 томах. М.: Гилея, 2009.

⁵ «Рабочий Посёлок» – станция (платформа) МЖД Белорусского направления; район Москвы, находящийся в Западном административном округе, на границе районов Кунцево и Можайское.

⁶ Денисова Горка – деревня в Бологовском районе Тверской области.

⁷ Эта дружеская и творческая переписка поэта Г. Н. Айги и филолога В. К. Лосской освещает периоды работы Айги над изданием книги «Отмеченная зима», которая в 1982 году вышла в издательстве «Синтаксис» благодаря стараниям Вероники Константиновны Лосской (1931–2018).

...За год провалились две мои «зарабатывательные» книги, обстоятельство это стало разворачиваться в явную бесперспективность. Но внутренне я оптимистичен (относительно моей «собственной» работы).

13 июля 1983

...Лето выдалось для нас чрезвычайно тяжелое. <...> Я же – весь был в очень мучительной работе. Думаю, что я своего добился: что-то во мне тяжело переломилось, – в моих вещах возникло новое качество, наступил (надеюсь) новый период. <...> В Москве нас ожидали сплошные трудности и лишения. Некуда и не на что было выехать на оставшиеся месяцы. Но нет худа без добра: я стал работать очень интенсивно (почти «бурно») и составил небольшую книжечку из стихотворений этого года. Кроме этого получилась еще одна крохотная (м. б., даже «уникальная») книжечка: «Тетрадь Вероники (Первое полугодие дочери)».

17 августа 1983⁸

*

Нищий, нищета, нищенский – эти слова встречаются в стихах Айги довольно часто. Нищета входит в его поэтику, плотную и разреженную, сдержанную, ускользающую от бытописания и восходящую к религиозно-философскому осмыслению, однако наполненную скрытой экстапно-взрывной энергией, в которой слова *являют*, а не описывают предельно сложное взаимодействие человека и мира. Возможно, поэтому так своеобразна архитектура его стихотворных текстов. Поэтому и возникает неординарная, ставшая легкоузнаваемым авторским стилем графика и пунктуация: скобки, тире, многоточия, восклицательные знаки, чёрные и красные квадраты, круги (иногда буквы в его стихах заключены в круг), нотные вставки, рукописные комментарии, написанные чернилами разного цвета⁹. Правда, в его книгах 1960–1970-х годов такого рода графических элементов ещё довольно мало, но понятие нищета (*нищий, нищенский*) появляется неоднократно: *нищие тряпки, нищий брат, нищая заря*.

Облака

В этой
ничьей деревне
нищие тряпки на частоколах
казались ничьими.

И были над ними ничьи облака,

и там – рекламы о детстве
рахитичных и диких детей;

и музыка о нагоде
гуннских и скифских женщин...

1960

⁸ Благодарю Национальную библиотеку Чувашии и лично художника О. А. Улангина за любезно предоставленную переписку Г. Н. Айги и В. К. Лосской.

⁹ Более подробно см.: Т. Грауз. Слово. Буква. Образ. О визуальном в поэзии // Дискурс: <https://discours.io/articles/theory/slovo-bukva-obraz-o-vizualnom-v-poezii>; О стихотворениях «без названия» у Геннадия Айги // Волга. 2016. № 5-6; О неподцензурной музыке в поэзии Айги // Интерпоэзия. 2018. № 3.

Тема нищенства в книгах «Отмеченная зима» (стихи 1959–1961) и «Поля-двойники» (стихи 1961–1965) – горькая, земная, а семантика слова *нищий* ещё довольно плотная, болевая, трагически-тяжёлая, как в стихотворении о смерти матери «Облака». Но иногда *нищета* входит в просветлённо-щемящий круг детства («Утро в деревне»), и сквозь неё сияет высокая – морозная – соединённость со всем божьим миром, с этой царапающей – о детские царапинки! – драгоценностью жизни.

...с мороза,
и на руке –
впервые след пореза

а этот плач средь трав:
– я богу отдан заново!

а нищий брат, мой ангел под зарей! –
уже тогда задумали,

чтоб объяснил,
и чтоб ушел,
и чтоб осталась эта суть:
царапинки... заговорю – царапинки...¹⁰

1961

*

Через понятие *нищенства* в поэтике Айги воплощается живая связь с русской религиозной традицией – «Блажени нищие духом, яко тех есть Царствие Небесное...», хотя, как пишет Геннадий Николаевич в эссе «Обыденность чуда», в начале 1960-х религиозность его была ещё весьма абстрактной¹¹. Тема *нищенства* создает незримое силовое поле между поэзией Айги и русской словесностью: вспомним «О, бедность» Пушкина, лермонтовского «Нищего», «Эти бедные селенья» Тютчева, «Бедные люди» Достоевского, а ещё любимого им Анненского («Здравствуй, нищета») и Хлебникова, чья скитальческая жизнь всегда-навсегда озарена нищенством. *Раненный хлебниковскими «сонными пулями»*, младенчески чистой синью души велимировой Айги пускается в путь по тяжёлым *безвинным дорогам*, проторённым будетлянином. На этих дорогах можно встретить и Мандельштама с его «Воронежскими тетрадами», и Арсения Тарковского, в нищете идущего мимо всей вселенной¹². Сквозь щели-прорехи священной нищеты просвечивают терпеливо молчащие людские поля и обездоленный – с годами всё более расширяющийся в свет – мир Айги.

*

...Да, я, безусловно, считаю, что современное состояние русской поэзии – катастрофическое без-Словие, недействие Слова, приостановленность («отложенность») движения поэтики по кардинальному пути. Оживление мертвого, в общем, языка поэзии «академическими» инъекциями или пост-футуристическими, пост-обериутским уколами <...> даст ему лишь отвлекающие возможности для «сегодняшне-завтрашнего»

¹⁰ Из стихотворения Г. Айги «Утро в детстве» (1961).

¹¹ Г. Айги. Обыденность чуда (Встречи с Борисом Пастернаком. 1956–1958) // Разговор на расстоянии. СПб.: Лимбус-Пресс, 2001. С. 107.

¹² А. Тарковский. Бедный рыбак (1957).

преходящего говорения. Надо искать свободный, совершенно новый язык сегодняшнего, качественно нового духовного сопротивления «современному искусству», занятого неполнотой человека, или его пустотой, или его отсутствием. <...> И вообще начало того языка, о котором я говорю, – у Зощенко, Мандельштама, Хармса, Платонова. И, пожалуй, более некого и вспомнить.

12 марта 1978

*

В стихах Айги¹³ имя-голос Мандельштама возникает не однажды. Это имя, этот голос он воспринимает как некую *опору*. Голос Мандельштама сплетается в сознании поэта с голосом, сквозь который пульсирует настоящая – нас таящая – жизнь, явленная в словах: Поэзия с большой буквы. Сквозь свето-сгусток живого и зелёного – сквозь синицу, мелькающую то здесь, то там в стихах Айги, обнаруживает себя – обнажает себя – подлинное бытие.

...словно опорами в памяти фразы-двустипия
(цепкого-мандельштамового) –

это живое зеленое
в белой метели Москвы...¹⁴

*

Для Мандельштама внутренний голос его Поэзии, его *Бог Нахтигаль*¹⁵ – щегол (в христианстве щегол – символ страстей /страданий/ Христовых; в некоторых переводах Библии упоминается птица, сорвавшая колбочку с тернового венка Иисуса, после чего лоб Спасителя обагрился кровью, а вокруг глаз и клюва птицы появилось красное оперение; образ щегла довольно часто появляется на картинах эпохи Возрождения, например, у Рафаэля в «Мадонне со щеглом» /1506/). У Айги *Бог Нахтигаль* принял облик синицы. В скобках заметим, что в чувашском языке нет категории рода ни в существительных, ни в местоимениях, поэтому можно предположить, что хотя существительное *синица* в русском языке и женского рода, однако для Айги *синица* рода не имела. (Мы не говорим о правописании, а лишь о внутренней сути того явления, которое поэт видел – как в магическом кристалле – сквозь облик этой птицы). *Синица Поэзия*¹⁶ мелькает, скребётся в стихах Айги, вздрагивает, грустью расширяясь, *облако силы безвинной* в умном сердце его поэтического я. И невозможно ответить: *чей свет?* // *чья синица?* *чей щеголь?*¹⁷

*

Русский язык для Мандельштама, выросшего в многоязычной среде (вокруг него звучал немецкий, польский, русский, идиш, иврит), вызревал и развивался в нём как язык поэзии. Правда, по словам Надежды Яковлевны, в стихотворении «К немецкой речи» Мандельштаму важна была проблема «верности и измены: для него чужой язык, чужая поэзия, наслаждение чужой речью равно измене». Утверждение Н. Я. не кажется мне столь очевидным. В этом стихотворении именно *п о э з и я* (*Бог Нахтигаль*), звучащая сквозь лирического героя, её *бунтующее, шипящее* слово, дают подлинное спокойствие поэту – в нём, в этом спокойствии он обретает силу. Другая культура, другая речь для Мандельштама это ещё одна возможность вслушаться в суть языка, в его мелос, услышать

¹³ Имеется в виду семитомное Собрание сочинений Г. Айги (М.: Гилея, 2009).

¹⁴ Из стихотворения Г. Айги «Промельк-синица: вместо письма» (1979).

¹⁵ О. Мандельштам, из стихотворения «К немецкой речи» (1932); в переводе с нем. Nachtigall – соловей.

¹⁶ Из стихотворения Г. Айги «Есть где-то – А : “был”» (1979).

¹⁷ Из стихотворения Г. Айги «Утро в Переделкине» (1961).

щёлкающий голос п о э з и и – и быть разбуженным этим властным голосом, его *дружкой* – как *выстрелом* – быть разбуженным к творчеству, даже если стихи обретут судьбу «безязычия»¹⁸. Такая поэзия не умещалась в прокрустово ложе советского способа говорения – книги Мандельштама перестали издавать в советской России с 1930-х годов и до начала перестройки (где-то до середины 1980-х гг.). Но стихи ссыльного поэта, скончавшегося в 1938 году в лагерном подразделении Владперпункт¹⁹, удивительным образом ходили в самиздатовских списках и находили своего читателя. Через самиздат «Воронежские тетради» попали и к Айги.

*

Большую часть своей жизни Геннадий Айги жил в ситуации двуязычия: родной язык для него – чувашский (древний, с особым мелосом, морфологией), на котором он с юности писал стихи, а позже переводил на чувашский русскую и мировую поэзию. С 1960-х годов язык его собственных стихов – русский, авангардный по духу, вобравший в себя и европейский модернизм, и религиозно-философскую абстрагированность. Однако русское слово поэта сохранило в себе и древний накал – его особую магию. Возможно поэтому *Бог Нахтигаль* Айги глядит на нас умным глазом природы-[синицы], цепляя острыми коготками-строками сущности бытия и того неведомого, что озаряется пытливым умом сердца «за» бытием.

*

...«да,
я
лежу
в земле»)... –

:

и ш е в е л я т с я
губы – свето-сгустки
превосходя и зренье
(как нечто «до» – при зарожденьи света!)
и все же ярко-есмь:

(и зримо-разрывающе: «Я – Есмь!»)...²⁰

Первый раз Мандельштам приходит в стихи Айги ещё в 1973 году («Окраина: тишина»). Болевая мысль поэта углубляется в оголённую суть мандельштамовских строк «Да, я лежу в земле, губами шевеля...», и в *застенке-камере секундном* (в телесном бытии человека) через свето-сгустки слов, превосходящих зренье, сверх-чувствие Айги возвещает о жизни – вечной жизни – в свете истины, когда станут явственно зримы все подлинные поэты. Стихотворение Мандельштама, как мы помним, заканчивается строкой: «...Покуда на земле последний жив невольник» с безусловной отсылкой к лермонтовскому «Погиб поэт! – невольник чести...», а через него – и к Пушкину. Так возникает живая цепочка, по которой движутся-пульсируют свето-сгустки слов.

¹⁸ Имеется в виду строка: «...иль вырви мне язык – он мне не нужен...».

¹⁹ Владперпункт (Владивостокский пересыльный пункт Дальстроя) – лагерное подразделение, действовавшее в структуре Севвостлага ГУ СДС «Дальстрой» ОГПУ – НКВД СССР.

²⁰ Из стихотворения Г. Айги «Окраина: тишина (Памяти поэта)» (1973), с посвящением Н. Я. Мандельштам.

*

Постепенно тема *нищенства* в стихах Айги обретает всё более просветлённое, надмирное – *неотмирное* – звучание: *совместность их нищенская; светлое нищенство века; нищенство – тепло страдания; не пламя ли это незримое нищенства; увидеть бы вас / сутью нищенства.*

Нищенство, заключённое в *болеву камеру-секунду* человеческой жизни, – это и соединённость с миром людей, с миром их страдания и горя, но для Айги это и «...ориентация на человека в его сопряжённости с природой, с её неотменимой чудесностью»²¹. Поэт не только верил, но и хотел «...свидетельствовать собой, что человек *не оторван* от природы»²². А такое возможно лишь в умалении себя, в смиренном и терпеливомприятии мира и человека и в доверии к тому, что больше человека и мира. Вспомним слова Айги к Веронике Лосской (от 9 июля 1980 года): «...пишу, стараясь быть не “активным”, – иное невозможно – с превышающим нас». Да, только так и только тогда *нищие* – смиренные – духом смогут обрести блаженство и познать, как *самоосвещаются* *вещи души*.

²¹ Цитата из текста Г. Айги «Несколько абзацев о поэзии» (СС. Т. 4. Ш.: 2019); также на эту тему можно почитать и статью Т. Грауз «Всё далее навстречу» (журнал «Интерпоэзия», 2020, № 2).

²² Там же.